

Возвращение Тао Даюна в родную деревню наделало много шума. Вся деревня была потрясена, и даже уездный начальник лично пожаловал из города, прослышав о прибытии столичного гостя.

Все эти годы Юаньцзин и его отец поддерживали переписку с главой клана. Времена нынче стояли суровые: оступится один сородич — отвечать всей семье. Тот понимал: чтобы его собственное положение и будущее младшего брата были незыблемы, клану нужны образованные люди, способные занять место в чиновничьем аппарате. Однако времени прошло слишком мало — пока, кроме самого Юаньцзина, никто в деревне Таоцзя не сумел сдать даже начальных экзаменов на звание туншэна.

Раньше Даюн оробел бы перед уездным начальником, но жизнь в столице среди высшей знати изменила его. Теперь он держался уверенно и непринужденно, что заставило односельчан укрепиться в мысли: нынешний глава семьи — совсем другой человек.

За месяц пребывания в деревне он уладил все дела, о которых они совещались в кругу семьи. Мужчина выкупил жертвенные поля, доходы с которых должны были идти на бесплатное обучение деревенских детей, содержание одиноких стариков и жалованье учителю.

Дом семьи Тао, хоть и пустовал, стоял в чистоте благодаря заботе соседей. Он не только пожил в нем, но и оставил серебра главе клана на перестройку усадьбы. Бабушка часто поговаривала, что на закате лет мечтает вернуться в родные края, и её сын с женой разделяли это желание.

Хозяин возвращался домой, как принято говорить, «в парче и на добром коне», и это наполняло его сердце тихой радостью. Омрачало триумф лишь одно: невестка то и дело подстерегала его за спиной старшего брата. Она лила слезы, умоляя забрать её в столицу, чтобы «прислуживать старой госпоже» и дать возможность бабушке увидеть родного внука, Тао Цзиньбао. Даюн насквозь видел корысть госпожи Ван. Пока Тао Юйчжу оставалась в столице под присмотром, он и помыслить не мог о том, чтобы перевезти туда её мать — та наверняка снова попыталась бы устроить судьбу дочери через Юаньцзина.

Разумеется, отец не знал, что Юйчжу и шагу не может ступить из своего двора без ведома стражи, а потому сохранял предельную бдительность.

Накануне отъезда братья Тао Дачжу и Даюн засиделись за вином. Младший в открытую спросил брата, не тянет ли того в столицу. Дачжу, расчувствовавшись, разрыдался. Он признался, что всем сердцем тоскует по матери и корит себя за то, что не может исполнить сыновний долг, но просил беречь её, пока сам он будет стеречь их родовые корни в деревне, дожидаясь возвращения семьи.

У Даюна и самого глаза увлажнились. До женитьбы они были не разлей вода. Проснувшись на следующее утро, Дачжу твердо велел ему ехать в столицу одному. Он знал о помыслах своей жены и обещал держать её в узде.

В день отъезда проводить гостя собралась вся деревня. Сестра Тао Хуа пришла со своим семейством, приехали и родственники по линии госпожи Сун, и даже выданные замуж сёстры — Тао Дая, Тао Эръя и Тао Санья. Теперь, когда у них была такая опора в лице Тао Юаньцзина, их жизнь заметно наладилась. В отличие от госпожи Ван, они не питали пустых надежд на чужое богатство, а старались прилежно учить своих детей, надеясь, что те однажды повторят путь юноши.

Он оставил подарки сестре и родне жены — и от бабушки, и от А Лань. Каждая из женщин выделила средства из своего «личного фонда», но Даюн передал их тайно, чтобы не вызвать зависти у госпожи Ван.

Уезжая из Таоцзя, он так и не обмолвился о Тао Юйчжу. Родные тоже не вспоминали её. Годы шли, и все давно вычеркнули её из памяти, считая погибшей — никто не верил, что одинокая девушка сможет выжить в чужих краях.

По возвращении в столицу его печаль как рукой сняло. Он с головой ушел в дела: Юаньцзин выкупил еще одно поместье, граничившее с прежним, и поручил отцу управление объединенными землями. Даюн был только рад такой ответственности.

Вскоре Юаньцзин приобрел и лавку. Её он передал в руки бабушки и матери. Женщины начали продавать всевозможные лакомства из козьего молока, а позже Тот научил их печь печенье и кексы на западный манер. Дела пошли в гору: лавка процветала, а сами «хозяйки» словно помолодели от постоянных хлопот. Их кошельки снова стали стремительно полнеть.

Вся семья, включая Тао Юаньцзэ, приехавшего из академии, снова выбралась в загородное поместье. С ними поехал и Ди Юй — юноша предвкушал охоту и скачки. Его отец — старший соученик Юаньцзина — давно разочаровался в сыне, не желавшем становиться книжником, и, похоже, готовил его к возвращению на военную службу.

— О, Старший брат Чэн приехал! Брат Чэн, пойдём сегодня в лес на кабана или оленя? — Тао Юаньцзэ радостно бросился навстречу всаднику, показавшемуся у подножия горы.

К тому времени имя «Чэнъань» стало привычным в доме Тао. Семья больше не чувствовала стеснения в его присутствии. Даюн и вовсе не брал в голову: подумаешь, бравый гвардеец из резиденции князя, не сам же князь к ним пожаловал! Он приветливо кивал Чэнъаню и спрашивал, что тот желает к обеду, чтобы велеть повару приготовить побольше вкусностей.

Князь непринужденно называл любимые блюда, после чего, попрощавшись со старшими, уводил Юаньцзина и мальчишек в горы.

Старая госпожа с улыбкой провожала их взглядом. Повернувшись к сыну и невестке, она негромко произнесла фразу, от которой те едва не лишились чувств:

— Как думаете... этот гвардеец Чэнъань и наш Юаньцзин — разве они не подходят друг другу?

Даюн и А Лань опешили.

— Матушка, что вы такое говорите! — Даюн прижал руку к сердцу. — Чэнъань — всего лишь страж из резиденции князя Чжэньбэй.

Бабушка лишь строго взглянула на сына.

— Ты ослеп, что ли? Посмотри сам: с кем Юаньцзин так близок с тех пор, как мы приехали в столицу? И разве страж Чэн относится к нам плохо? Учителя фехтования для Юаньцзэ нашел он, и даже Ди Юй говорит, что мастер этот куда искуснее тех, что служат в их доме. А ведь семья Ди — потомственные воины.

Она сделала паузу, давая словам осесть.

— Опять же, Тао У, что ходит за Юаньцзином — тоже его рук дело. Я вижу, что Чэнъань не из простых солдат, он явно доверенное лицо регента. Разве при таком покровителе он останется в простых стражах? Я старая, я вижу людей: от этого парня исходит такая аура, что сразу ясно — он далеко пойдет.

— Чэнъань заботится о нас всей душой. Уж лучше он, чем кто-то чужой. Да и наш Юаньцзин рядом с ним просто светится.

Старая госпожа заметила это еще во время прошлых визитов и с каждым разом убеждалась в своей правоте всё больше. А Лань и Даюн переглянулись. Прежде они об этом не задумывались, но теперь поняли: страж и впрямь окружил их семью исключительным вниманием. Если он искренен в своих чувствах к Юаньцзину, то почему бы и нет?

— Но согласится ли он? — засомневался Даюн. — Чтобы быть с Юаньцзином, ему придется отказаться от женитьбы. Да и что скажут его родные?

Вся троица, включая бабушку, не находила себе места от волнения, всем сердцем переживая за будущее Юаньцзина.

Старуха решительно кивнула:

— Надо будет поговорить с Юаньцзином. Если у них всё всерьез, пора бы и дело обговорить. Негоже Чэнъаню вот так, без имени и прав, помогать нашей семье и ходить хвостом за Юаньцзином.

Супруги согласились — пришла пора внести ясность.

Тем временем в горах Тао Юаньцзэ и Ди Юй умчались вперед под присмотром людей Му

Чэнъаня. Тот же неспешно прогуливался с Юаньцзином, переплетя пальцы.

— Я столько раз бывал у вас дома, — пожаловался Му Чэнъань. — Когда уже ты признаешь меня и дашь мне законный статус?

Юаньцзин прыснул от смеха. Всякий раз, когда домашние поминали «гвардейца Чэна», они не скупались на похвалы.

— Еще немного старайся, — подразнил он князя, — глядишь, бабушка и рассмотрит кандидатуру «стража Чэна».

На самом деле он знал: старая госпожа уже вовсю приглядывается к его спутнику, и до официального признания осталось совсем чуть-чуть.

Князь, однако, не унимался:

— Не могу же я вечно быть «стражем». Когда мы будем вместе, я так и останусь для твоих родных Чэнъанем? Ты думаешь, это можно скрывать до бесконечности?

— Конечно, нет, — Юаньцзин задумчиво потер подбородок. — Но я боюсь напугать их. Мы ведь простые люди. Впрочем, когда переедем в новую усадьбу, твоя личность всё равно раскроется.

— Эх, нелегко мне достается право войти в твою семью, — картинно вздохнул князь.

— Кто в чью семью входит? — Юаньцзин вскинул подбородок. — Это наш род Тао дает тебе место подле меня.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — собеседнику было всё равно, как это назовут на словах. Главное — залучить юношу в свою постель, а там уж станет ясно, кто чей.

Юаньцзин, не заметив скрытого подтекста, довольно похлопал спутника по груди:

— Не сомневайся, я буду тебе верен. В семье Тао не принято менять привязанности.

Тот лишь рассмеялся, глядя на этот важный вид, поймал его руку и шутливо прикусил ладонь. Они дурачились в лесу, словно мальчишки, а следовавшие поодаль тайные стражи, глядя на своего впавшего в детство князя, старались смотреть в другую сторону.

В тот вечер Му Чэнъань по обыкновению остался в поместье Тао. Утром он тренировал Тао Юаньцзэ и Ди Юя. Родители, уже настроенные словами бабушки, теперь подмечали: страж Чэн и впрямь вел себя как родной.

Даюн, улучив момент, принялся осторожно расспрашивать Чэнъаня о его семье и планах. Му Чэнъань, будучи искусственным интриганом, мгновенно понял, куда клонит будущий тесть. В душе он ликовал, но внешне оставался серьезен: мол, сирота, родителей давно нет, родня далеко и власти над ним не имеет, так что он сам себе хозяин. А в будущем мечтает лишь об одном — найти близкую душу и прожить с ней бок о бок до конца дней.

Этот ответ окончательно покорила Даюна. Лучше и быть не могло! Раз нет родни, значит, никто не станет попрекать его союзом с женщиной или требовать наследников.

Вечером Даюн, бабушка и А Лань собрали совет. Они вызвали Юаньцзина и спросили прямо:

— Юаньцзин, скажи-ка нам... вы со стражем Чэнъанем ведь давно приглянулись друг другу? Мы видим, что он человек достойный.

Юаньцзин едва сдержал улыбку. Кроме Юаньцзэ и Ди Юя, которые разошлись по комнатам, все в доме смотрели на него с нескрываемым ожиданием.

— Он... и впрямь хороший человек, — честно ответил юноша. — Заботится и обо мне, и о нашей семье.

Бабушка просияла: «Я же говорила!». У отца с души словно камень свалился, но тут же кольнула легкая грусть — будто дочь замуж выдает, хотя растил сына. Впрочем, он тут же напомнил себе: это Юаньцзин «берет» стража в семью, а не наоборот.

Сын замялся, подбирая слова.

— В чем дело, внучок? — ласково спросила бабушка. — Говори смело, я тебя поддержу, и отец твой тоже.

Даюн лишь вздохнул — похоже, его слово в этом доме значило меньше всего.

— На самом деле, — выдохнул Юаньцзин, — его фамилия не Чэн.

— Вот как? А какая же? — любопытствовал Даюн.

— Его фамилия — Му.

— А, значит, Му Чэнъань? Звучит благородно, — кивнул отец.

— И мне нравится, — поддакнула бабушка.

Едва она замолчала, в комнате раздался глухой удар. Даюн соскользнул со стула и рухнул на пол, на его лице застыл неопиcуемый ужас. Юаньцзину захотелось закрыть лицо руками — он знал, что так и будет.

Бабушка и А Лань не сразу поняли, что произошло.

— Да что с тобой такое? — прикрикнула на сына старуха. — Взрослый мужик, а на стуле усидеть не можешь!

— Юаньцзин... — мужчина, не поднимаясь с пола, с надеждой посмотрел на сына. — Скажи, что я ошибся. Это ведь не тот самый...

— Папа, есть ли разница, Чэнъань он или Му Чэнъань?

— Еще какая! — вскричал Даюн. — Матушка, А Лань... Му... — он запнулся, боясь произнести имя вслух. — Это же фамилия правящего рода! Это принц-регент! Тот самый князь Чжэньбэй! Вы хоть помните, чье поместье по соседству с нашим?

Он едва не плакал. Он-то мечтал, что «примет» зятя в дом, а оказалось, что его сын выбрал самого могущественного человека в империи. Как он теперь посмеет открыть рот? Вспомнив, как днем он по-свойски раздавал указания регенту, Даюн захотел провалиться сквозь землю.

— Да это же наш Чэнъань, просто страж при князе, — бабушка всё еще не могла осознать услышанное. Оно и понятно: в народе никто не называл великого князя по имени.

— Матушка, Чэнъань не страж. Он и есть сам великий князь! Внука своего спросите! — в отчаянии выдохнул он.

— Внучок, это правда? — голос бабушки дрогнул.

— Бабушка, мама, пожалуйста, присядьте, — Юаньцзин бросился к ним, боясь, как бы они не лишились чувств.

Старая госпожа долго переводила дыхание. А Лань, растерянная, искала поддержки у мужа и свекрови. В голове не укладывалось: тот статный страж, который вел себя так вежливо, оказался грозным правителем. Она вспомнила, как регент днем почтительно склонял перед ней голову, и ощутила странное тщеславие.

Бабушка крепко сжала руку внука:

— Значит, страж Чэнъань — это и есть князь Чжэньбэй?

— Да, бабушка.

— Тот самый принц-регент, что правит всей страной?

— Да, это он.

Старуха перевела дух и уточнила напоследок:

— И этот человек, что был так учтив со мной, старой, — действительно великий князь?

Юаньцзин мягко улыбнулся:

— Всё так, бабушка. Он искренне почитает вас как старшую, и к моим родителям относится так же.

Бабушка схватилась за сердце:

— Видать, мастер Хуэйчэн не ошибся. Сказал «великое богатство и знатность» — и как в воду глядел.

— Бабушка, я и без князя смог бы обеспечить вам достойную жизнь.

— Знаю, внучок, знаю. Ты у нас и сам сокровище, — кивнула она.

Но тут же в её глазах мелькнула тревога:

— Но сможет ли такой человек быть с тобой всю жизнь? А ну как передумает? Он ведь наделен огромной властью...

В этот момент в ней заговорила не подданная, а любящая бабушка. Обычный страж был бы во всем подвластен её внуку, а с принцем — кто знает? Вдруг Юаньцзин останется в обиде?

Видя их беспокойство, Юаньцзин почувствовал прилив тепла. Они в первую очередь думали о его счастье.

— Бабушка, папа, мама... здоровье Му Чэнъяня было подорвано прошлым императором. Он не может иметь детей. Именно поэтому он взял на воспитание маленького наследника. Все эти годы он был один. Я верю ему. К тому же, я намного моложе него. Это ему стоит бояться — вдруг однажды он станет мне в тягость, потому что состарится раньше?

«Надеюсь, Му Чэнъань об этом не прознает, — втайне подумал он, — иначе капризов не оберешься»

А У И, сидевший на крыше, невольно дернул бровью, сочувствуя своему господину.

В комнате же трое взрослых внезапно задумались о возрасте князя. И правда: у регента уже взрослый приемный сын, который старше Юаньцзина. Получается, князь по годам годится Юаньцзину в отцы.

— Не староват ли он? — засомневался Даюн. — Не хватало еще, чтобы зять был почти моим ровесником!

У И на крыше едва не скатился с конька, утирая холодный пот.

Бабушка и А Лань, напротив, восприняли это спокойнее.

— Возраст — не беда. Зрелый мужчина лучше знает, как беречь и ценить близких.

Слова Юаньцзина показались им убедительными. Принц-регент старше, детей иметь не может — значит, Юаньцзин для него будет единственной опорой. Кому и волноваться, так это князю.

— Внучок, — бабушка понизила голос, поглядывая на окно, — неужто и впрямь князь... не может иметь наследников? Покойный император так его извел?

Для спокойствия родных он подтвердил:

— Это чистая правда. Мы познакомились еще в Вэньчане, помните ту прогулку в горах? Тогда я нашел его раненым и помог, не зная, кто он такой. Мы снова встретились уже здесь, в столице.

У И про себя восхитился: ну и мастер Юаньцзин, заговорил родных так, что те и глазом не моргнули.

Даюн припомнил:

— А ведь верно, тогда в городе стража лютовала, искали кого-то. Кто бы знал, что вы встретились так рано!

Теперь всё встало на свои места. Все трое вспомнили слова мастера Хуэйчэна о том, что этот союз нельзя разрушать. Похоже, это и впрямь была судьба, предначертанная небесами.

<http://bllate.org/book/15835/1504817>